

УДК 81.161

ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИЯ: КООРДИНАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Синельникова Л.Н.

*Луганский национальный педагогический университет им. Тараса Шевченко,
г. Луганск, Украина*

В статье акцентируется прагматика политического дискурса, его зависимость от фактора адресанта и адресата. Называется и интерпретируется ряд признаков политических коммуникаций, коррелирующих с семантикой языковых единиц.

Ключевые слова: лингвополитология, политический дискурс, политическая метафора, манипуляции, политический фрейм

Говорить – это само по себе политическая акция.

А политическая акция всегда соединяет новые события со старыми формами жизни.

О. Розеншток-Хюсси

Лингвополитология, или политическая лингвистика, относится к числу новых исследовательских направлений, всё более укрепляющих свой собственный научный статус. Осуществлён переход от описания отдельных фактов, любопытных «частностей» к типологическим характеристикам, к выявлению закономерностей языковой представленности политически ориентированного мышления. Издание учебных пособий по политической лингвистике – одно из свидетельств сформированности нового гуманитарного знания [6; 16]. Цель лингвополитологии – изучение специфики политического мышления по языковым данным. Политические материалы проявляют в языке свою сущность, лингвисты могут помочь разобраться в этой сущности. Понятно, что интерпретация языковых данных в таком виде деятельности, как политика, требует не просто междисциплинарного подхода, а органической включённости информации из смежных наук в инструментарий анализа. Мультидисциплинарность не просто расширяет представление об объекте исследования, но и меняет предмет наблюдения, его местонахождение в пространстве гуманитарного научного знания и границы интерпретации. Уже перечень наук, влияющих на объём и направление интерпретации, говорит о сложности выработки адекватного инструментария анализа: лингвистика, риторика, коммуникативистика, культурология, социология, социолингвистика, этнография, этнолингвистика, политология, политическая психология.

Цель статьи – утверждение научного статуса лингвополитологии как междисциплинарного знания, направленного на выявление закономерностей языковой представленности (маркированности) политически ориентированного мышления.

Политика – феномен общественного сознания, которое формируется в результате разнообразных политических коммуникаций, «это мир, сотканный из выпусков телевизионных новостей, газетных статей, разговоров на кухне, это особая, в каком-то смысле «виртуальная» реальность, отражающая существование отдельного социального

поля, обладающего своими законами и правилами игры» [5, с. 397-398]. Социально-психологические характеристики политических коммуникаций и коммуникантов в значительной мере основываются на восприятии лингвистических признаков, речевых (риторических) умений и предпочтений.

Освоение современной гуманитарной наукой понятия «дискурс» обеспечило возможность междисциплинарного интегрированного подхода к описанию политического языка как языка политики, политиков и власти в целом. Язык как средство процессуального и динамического обновления смысла проявляет себя в дискурсе, в дискурсивных практиках, в том числе и в тех, которые связаны с миром политики. Дискурсивный подход дал возможность описать наиболее важные и устойчивые особенности политических коммуникаций и их жанровое пространство: идеологемы, мифологемы, метафорические группы, знаки вербальной агрессии, культурно-языковые концепты (*власть, политик* и др.), политическую афористику, эвфемизмы и дисфемизмы [см.: 1; 17; 16] и мн. др. Речевая полифония в сфере современной политической коммуникации, её насыщенность и разнообразие увеличивает репертуар признаков, подтверждающих динамичность объекта.

Одно из важных свойств языка – формирование субъекта высказывания. Политический дискурс всегда является проявителем политической психологии как социальной и идеологической позиции. В дискурсе содержатся знаки правды и лжи, подлинной реальности и мнимой. Такого рода знаки являются своего рода речевыми полиграфами, определяющими меру истинности сказанного.

Показательно, что интерес к политической лингвистике обозначен на всём постсоветском пространстве. Более того, обнаружилось, что учёные разных государств описывают политические коммуникации по одним и тем же направлениям, и это доказывает универсальность ряда признаков феномена политики как таковой и способов её вербальной презентации. Универсальное не исключает этнолингвистической вариативности.

Прагматика политического дискурса определяется фактором адресанта и адресата. В роли адресанта могут быть а) политики, б) журналисты, пишущие о политике и политиках, в) политики, оценивающие других политиков и спорящие с ними, г) политологи как профессиональные аналитики, д) представители народа или, точнее, разных сегментов общества, е) писатели, пишущие на политические темы (в том числе писатели-юмористы, сочинители анекдотов и под.). Политический дискурс как собирательное понятие складывается из многочисленных дискурсивных практик, составляющих политическую дискурсию [14]. Каждая из такого рода практик может быть описана с известной долей самостоятельности по очерченности субъекта действия – политик как персоналия, политическая партия как обобщённо-собирательный субъект; по адресату – сегмент общественности, целевая группа, адресат-оппонент, народ, нация и т.д.

Зависимость характера политического дискурса (текста) от его автора существенно дополняется зависимостью от адресата. Адресат многообразен и может варьироваться от «всего народа» до одного человека, который в политике всегда кого-то представляет. Задача лингвиста, исследующего разные виды политических коммуникаций, – обработка дискурсивной (текстовой) информации под определённым углом зрения: соотношение форм прямого и косвенного говорения, «агрессивных» и «эмпатических» знаков, способов проявления иронии и т.д.

Значимость лингвистического фактора в лингвополитологии бесспорна. Именно лингвисты, реализуя принцип экспланаторности (совмещения описания языковых фактов и их объяснения на основе данных других наук), могут ответить на многие интересующие современное общество вопросы: как вербализуются тоталитарные или демократические идеологические установки, с помощью каких приёмов (риторических, нейролингвистических) пропагандируются и внедряются в сознание граждан политические идеи, как устроены политические трансакции, проявляющие суггестивные, манипулятивные, номинативные, фатические, аттрактивные функции языка, и многое другое.

Разнообразие речевых признаков политических коммуникаций приводит к мысли о том, что природа политических различий и разногласий в значительной мере лингвистична. Так, *пространное* и *неясное* определяет речевой почерк большинства современных политиков. Возможно, в этом случае действует психологическая установка «Всегда говори меньше, чем кажется необходимым». Американский журналист Роберт Грин придаёт этой установке статус закона и формулирует его так: «Желая произвести впечатление своими речами, помните: чем больше вы наговорите, тем больше покажетесь ординарным и не имеющим реальной силы. Даже произнося банальности, вы будете выглядеть оригинальным, если ваши речи будут неясными, незавершёнными и загадочными, как речи сфинкса. Влиятельные люди производят впечатление и внушают страх тем, что не договаривают. Чем больше вы говорите, тем выше вероятность того, что вы скажете глупость» [4, с. 30]. Политики не любят конкретных определений. Отсюда тенденция к семантическому выхолащиванию слов, конъюнктурное их толкование, приспособление к своей идеологии любой ценой и любыми способами, проявляющими неуважение к биографии слова, а значит, и к культуре в целом. Номинации *демократия*, *народ*, *правовое государство*, *цивилизованные отношения*, *рыночные реформы*, *европейский выбор* исследователи относят к фантомным, словам-симулякрам. Особенность такого рода номинаций в их референтной нетождественности. Слова-симулякры образуют семантическое пространство игры, в которой важны не реалии референциальной сферы, основывающиеся на семантике денотата, а законы Зазеркалья, «где действует семантический принцип Шалтая-Болтая: «Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше» [11, с. 158]. Напрашивается вывод: размытость семантики слова выгодна политикам. Это один из способов косвенного говорения, которое в этом случае можно синонимизировать с безответственным речевым поведением.

В политическом дискурсе происходит борьба за термины, сопоставимая с борьбой за территории влияния. На Украине всё ещё не утихают споры относительно содержания терминов *сепаратизм* и *федерализм*; наполнения понятия *Универсал*, толкуемого разными партиями то как глобальный документ, чуть ли не конкурирующий с Конституцией, то как временный и ни к чему не обязывающий компромисс; перегруппировываются компоненты смыслового объёма понятия *соборность* и оспаривается статус Дня соборности, объявленного праздником (в православной среде соборность – определитель духовного единства, в новой украинской интерпретации – признак унитаризма, противопоставленного федерализму, то есть происходит перенос термина из духовной и философской сферы в административно-территориальную с политическим оттенком); нет единства в определении содержания понятий *нация*, *этнос*, *народ* и многих других. Нельзя не согласиться с мнением А. Литовченко,

социолога из Харькова: «Язык управляет человеком, тем более – группами людей. Поэтому термин необходимо замещать. Вариантов предостаточно. Ведь словосочетание «гражданская нация» во многом тавтологично, и «народ, обладающий государством», – это граждане. А «нация» в русском или украинском языке – это скорее «этнос, обладающий государством». Языковая традиция, никуда не денешься от социолингвистики; термин «народ» воспринимается действительно как менее одиозный. Поэтому термин «нация» надо оставить термином сугубо научным; незачем запускать его и культивировать в публичном дискурсе» [10]. Противоречия в лингвистической историографии, селективный отбор данных – свойство политического дискурса.

Принцип «не лгать, не лжесвидетельствовать» применительно к философии языка может быть обозначен как деонтологическая норма: «не создавай имён, в которых лишь частичная правда, не искажай толкование имён и мыслей другого» [13]. В арсенале политиков и журналистов, пишущих о политике, время от времени возникают слова, которые можно назвать тренд-вёртерами (trend – тенденция, Wörter – слова). Это «неологизмы, отражающие новые общественные, культурные и научно-технические направления развития, тенденции актуального стиля, эстетики и т.п.» [7, с. 362]. Тренд-вёртеры быстро превращаются в мифологемы: *путь реформ, либеральные ценности, цивилизованное общество* и под. Такого рода номинации могут эксплуатироваться разными идеологиями, разными представителями власти, ибо «каждая «мифологема», увы, есть желание пользы себе в ущерб другим» [9, с. 21]. Мифологемы, по Р. Барту, представляют собой метаязык власти. Отличительной чертой мифологемы является «сочетание её внешней конкретизированности с внутренней неоднозначностью, позволяющей человеку интерпретировать её наиболее приемлемым для себя образом при убеждённости в полной аутентичности» [18].

В политической коммуникации активны языковые категории, природа которых позволяет приспособить их к целям оценки и, следовательно, к целям воздействия. К числу такого рода средств относятся тропы, и прежде всего метафора. Политическая метафора – существенная часть политического дискурса «от журналистов». Интерпретируя метафоры в русле лингвополитологического подхода, нельзя обойти вопрос «Кому выгодно?», тем более что именно метафора как непрямая номинация, представляющая нечто на границе иллюзии и реальности, быстрее всего оказывается средством манипуляции и демагогии. Политическая метафора содержит существенную информацию о позиции говорящего и оказывается объектом активного восприятия: *оранжевые иллюзии, шароварные лозунги, безыдейные прилипалы, грантовый паразитизм, дракончик национализма, политическое недержание, языковая вакханалия*. Метафора в русле идей лингвосинергетики оценивается как универсальный аттрактор, преодолевающий неопределённость в использовании языка и освобождающий от энтропии смысла [3, с. 348]. Метафорическая номинация в политическом дискурсе может противостоять энтропии симулякров. Сравним: *европейский выбор и европейский предбанник*. Аттрактивный принцип оценки представлен и в неологизмах: *грантодатели, грантоеды, грантозависимость* и под.

Исследователи политической коммуникации обращают внимание на её театрализованность. Формы проявления этого признака разнообразны – от кандидатодвойников до технологий «самострела», когда политик устраивает покушение на самого себя. Лингвистическая театрализованность имеет метафорическое и перифрастическое выражение. Несколько примеров театрализованных номинаций, возникших под пером

журналистов: *герой маячных войн* (о руководителе студенческого братства, ведущего борьбу за крымские маяки), *Айболит украинской политики* (о Конституционном суде), *политический дерибан* (о недостойном, дерзком и агрессивном поведении), *девушка своей мечты* (о Ю. Тимошенко).

Театрализованный политический дискурс – это уже не отдельная метафора или перифраза, а целая модель действий, сценарное ранжирование, дающее в итоге новую оценочную категорию. Несколько примеров: «Теперь в наличии есть и национализм, и демократия, а эта сладкая по отдельности парочка вопреки раёхожему мнению не очень-то дружна и обожает пробовать на разрыв молодые страны»; «Бросая время от времени идеологические косточки в сторону Западной Украины, они позволили элитам юга и востока делать свой бизнес»; «Начался 20 век с большой иллюзии: интеллектуалы мечтали о Соединённых Штатах Европы, о братстве народов, к которому якобы на всех парусах плывёт пароход современности, а на самом деле в историческом тумане этот пароход уже поджидали айсберги национализма, на которые «Титаник» европейской цивилизации и налетел на полном ходу»; «Титульные нации новых стран с удовольствием нацепили платье национализма (так слуги торопятся нарядиться в одежду уехавшего барина), не заметив, что оно давно уже вышло из исторической моды и что в 21 веке нелепо выглядит камзол» (примеры из Еженедельника 2000).

Зависимость от адресата – это и стремление ему угодить, как можно более соответствовать его ожиданиям. Такого рода «угодничество» ярко выражено в дискурсах националистического характера, для которых характерна абсолютная категоричность суждений (в том числе касающихся критериев плохого и хорошего, приемлемого и неприемлемого), ограниченность эмоциональных реакций по отношению к *другому* (только гнев, презрение, угрозы), завышение значимости одних событий и игнорирование других. Всё это сопровождается навешиванием ярлыков, обзыванием и другими знаками вербальной агрессии [17, с. 121-123]. При этом диалог как основа политической этики в демократическом обществе не предполагается. Все позиции маркируются как витально значимые и должны быть безоговорочно приняты всеми как таковые. Так, в журналистском интервью, названном «Экзистенциальный обед после революции» (ж. «Публичные люди», 2005, № 9), представлены такие высказывания собеседников: «Обрати внимание на то, какую колоссальную зависть чувствуют теперь по отношению к нам кацапы, хотя прикрывают её «доброжелательным» предостережением: вы, романтики, не понимаете, чем для вас это обернётся»; «Правильность «кацапских размышлений» определяется территорией, где они в данный момент находятся. Есть «правильный кацап» Сева Новгородцев, но он уже 30 лет живёт в Лондоне»; «Просто «нелюбовь» к ним в понимании кацапов – это уже преступление»; «Враг или раб – вот их исчерпывающая формула, или многих из них, или российских правящих политиков»; «Мы не могли допустить, чтобы уголовник управлял нами»; «Это очень старая, ещё досоветская проблема; кацапы всегда зорко следили, чтобы здесь не было никакой элиты, потому что быдлом легче управлять». Отрицательная оценка «другого» возведена в конструктивный политический принцип – такова дискурсивная доминанта агрессивного политического дискурса.

Тоталитарный дискурс – это не только дискурс тоталитарного государства, но и дискурс тоталитарной герменевтики, заданной резко означенным адресантом и адресатом. В политических дискурсах, строящихся в расчёте на тоталитарную герменевтику, в полной мере действует *эффект плацебо* (плацебо от лат. *placere* –

нравиться; термин используется в медицине и психотерапии для контроля за ролью внушения в действии лекарственного препарата) – социально-психологический эффект, обусловленный верой людей (и соответственно внушением) в позитивное действие каких-либо факторов. В политике результат плацебо-эффекта – психологическое ощущение положительных действий «наших» как единственно правильных.

Каждая из политических дискурсивных практик по-своему резонирует с реальностью. Более того, в зависимости от характера субъектно-субъектных отношений формируется своя реальность, предлагаемая как уже существующая или такая, которая может быстро перейти из желаемой в действительную при соблюдении определённых правил и рекомендаций политических наставников. Моделирование реальности по собственным образцам – одна из основных целевых установок власть предрержащих и власть ищущих.

Субъектно-субъектные отношения (кто пишет и для кого) определяют характер модальной рамки политического дискурса, уровень эмоционального напряжения, степень ответственности за вербальное поведение и, соответственно, типологию языковых признаков, направление «рефлексий над языком». Нам представляется, что наблюдения над политическим языком вообще могут быть существенно дополнены при условии конкретизации вида политического дискурса по фактору адресанта и адресата. И тогда окажется, что изобретателями большинства так называемых политических метафор являются журналисты и, следовательно, это презентация их сознания. Процессы мифологизации в основном «контролируются» политиками. Речи политиков – плод совместных усилий имиджмейкеров, спичрайтеров и, конечно, в той или иной мере дополненный ораторским талантом исполнителя; так называемое «выпадение из имиджа» – речевой «прокол», скорее, принадлежит самому политику, хотя и в этом случае есть основания подозревать хорошо подготовленную импровизацию. Лингвист, привычно стоящий над такого рода информацией, включаясь в лингвополитологические наблюдения, не может не дифференцировать попавший в его поле зрения языковой материал.

Язык – существенный фактор политического ритуала и политических манипуляций. На всестороннюю реализацию функции воздействия направлены коммуникативные технологии манипулятивного характера, строящиеся по принципу «цель оправдывает средства». В организации манипулятивных технологий принимают участие все акторы политических действий, поэтому, видимо, поле политических манипуляций расширяется. Можно даже сказать, что политические манипуляции в варианте «беспредел пределов манипуляции» – едва ли не основное достижение демократии в постсоветских государствах, ведущих целенаправленную обработку общественного мнения в разных направлениях. Игра без правил на политическом поле всё больше приобретает характер невротического соперничества с привлечением виртуозной риторики и стилистики. Трансакции манипулятивного характера предлагаются в виде алгоритмизированных рецептурных рекомендаций, жизнеспособность которых подтверждается многочисленными историческими примерами. Такие трансакции именуется *стратагемами* – стратегиями поведения (в том числе речевого), обеспечивающими возможность эффективного воздействия на людей. Политические дискурсии оказываются полем военных действий. Вот одна из стратагем, описанных в книге А.И. Воеводина «Стратагеми – стратегии войны, манипуляции, обмана». Название стратагеми «Обмануть императора, чтобы он переплыл море». Сущность

стратегемы такова: открыто проводятся действия, маскирующие действительную цель; противнику путём повтора определённых действий навязывается шаблон восприятия; устанавливается зависимость от шаблона, в результате чего теряется бдительность и адекватное восприятие ситуации. Проверенная на поле военных действий стратегема экстраполируется на мирную жизнь, где она тоже подтверждает свою эффективность: *в бизнесе* компания может объединиться с конкурентом для создания общего проекта, но параллельно разрабатывает собственный проект, который заканчивает раньше совместного, превращая последний в неактуальный; *в криминальном мире* знание шаблона розыска преступника даёт возможность последнему, чтобы не быть пойманным, делать всё наоборот, ни от кого не прятаться, легально входить в доверие; *в спорте* можно несколько раз применить одну и ту же последовательность действий для выработки у противника шаблонной реакции; а затем неожиданно поменять программу; *в политике* также можно сформировать шаблон восприятия действий, но в определённый момент разыграть новый вариант и тем самым вывести противника из борьбы [2, с. 11].

Лингвополитология интегрирует разные виды информации. Одно из направлений интеграции может быть объективировано фреймовым подходом. Фрейм – структура репрезентации знаний в условиях стереотипных (однотипных) ситуаций; фиксированная система параметров, описывающих тот или иной объект или событие. Политический фрейм – это оязыковлённая когнитивная модель, обусловленная идеологической позицией субъектов речи. Бинарность политических фреймов определяется вербальным представлением концептуальной переменной: положительное – отрицательное, демократическое – недемократическое, своё – чужое (чуждое). В качестве лингвистических маркеров такого рода оппозиций выступают слова (семантика ключевых понятий, коннотативные приращения, эвфеминизация и дисфеминизация), словосочетания, фразеологизмы (тематический выбор, структурно-семантические преобразования и контекстная интерпретация), тропы (направления метафоризации, тематические группы), риторические фигуры и приёмы, цитаты, политические термины и др.

Речевая деятельность политиков, находящихся у власти, организуется на основе специализированных тактик, призванных акцентировать положительную информацию: тактика признания существования проблемы, тактика разъяснения, тактика комментирования, тактика указания на путь решения проблемы [12]. Совсем иначе структурируется дискурс политической оппозиции, строящийся на концептуальной доминанте: оппозиция – это искусство обещать то, что не выполняет действующая власть. Такого рода соперничество ведёт к политической диглоссии, представляющей собой «диалог глухих». Одни и те же номинации наполняются разными смыслами, события мифологизируются на разных основаниях, реализуя желание «пользы себе в ущерб другим» [9, с. 21].

Политический фрейм может быть описан на основе текстов, посвящённых одной проблеме. Языковые маркеры группируются вокруг смыслового инварианта фрейма, коррелируя с ним в семантическом отношении. Формируются клишированные речевые тактики, утверждающие идеологическую позицию того или иного сообщества.

Так, фрейм «восток – запад Украины» имеет такие языковые маркеры: *географические Украины, раскол Украины, разлом, географический детерминизм, языковой барьер, местечковость, местечковый национализм, местечковое*

самоуправление, территориальное сообщество, тоталитарная демократия, «западники» – «схидняки», игра в толерантность, просвещённый запад, рабочий восток, «заповедник разума», сознательный запад, русифицированный восток, официальная украинизация, федерализация, федералистский проект, болезнь федерализма, сепаратисты, раскольническая угроза, «соборная» Украина, жёсткий унитаризм, враг украинской государственности, антигосударственное мышление, окраинные экстремисты, регионализация, региональная эффективность, восточноукраинская элита, двуязычие, автохтоны (коренные жители).

Фрейм «языковая политика» представлен следующими языковыми маркерами: *двуязычная страна, вялотекущий лингвоцид, статус русского языка, государственная гуманитарная политика, поддержка русской культуры, права русскоязычных граждан, Европейская Хартия региональных языков и языков национальных меньшинств, региональный статус русского языка, русофобская концепция языковой политики, двуязычные украинцы, автохтонный (коренной).*

На Украине сформировался ряд эмоциогенных политических фреймов: НАТО, Евросоюз, голодомор, газовый вопрос, ОУН-УПА, Крым, Черноморский флот, региональность. В пространстве этих фреймов формируется новая мифология (Типа «НАТО – будем жить богато») и продуцируется политический дискурс с концептуальной переменной: положительное – отрицательное, демократическое – недемократическое и под. Лингвистические маркеры политических фреймов помогают выявить «маршрутную линию развития ситуации» (А.А. Романов). Клишированные речевые тактики обыгрываются оппонентами в виде цитат, аллюзий, с их помощью создаётся ироническая оценочная тональность. В билингвальной среде сформировался уникальный способ дискурсивного представления «другого»: «чужое» слово в русской прессе предаётся на украинском языке, а в украинской – на русском.

Таким образом, политический дискурс конструирует политическую реальность во многих её составляющих. В итоге можно сказать: каков политический дискурс – таков и предъявляемый обществу образ власти. А. Камю считал, что ничто так не воодушевляет, как безнадежность. От воодушевления – надежда на то, что придут другие времена, другие политики, другие политтехнологи, от безнадежности – виртуальность такого рода надежд если не для всех людей, то для людей нашего времени и поколения определён.

И всё-таки политический дискурс необходимо оценивать как часть культуры определённого времени, если считать, что в культуру входят все виды социально значимой деятельности, все поведенческие модели (паттерны), направленные на реализацию конкретных и специфических задач для удовлетворения человеком своих насущных потребностей [15]. Политический дискурс как культуроносный феномен акцентирует такие культурологические понятия, как мифологизация (неомифологизм наиболее проявлен именно в политической сфере), карнавализация (политика как шоу и имиджи политиков как игровые маски). Одно из действительно демократических завоеваний нашего времени – снятие табу на интерпретацию политической деятельности в разных её проявлениях. Лингвополитология – безусловно демократическая дисциплина, способная при условии ответственных усилий учёных-гуманитариев – перевести предзнание в обсуждаемое и, значит, реально существующее знание.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
2. Воеводин А.И. Стратегемы – стратегии войны, манипуляции, обмана. – М., 2003.
3. Герман И.А. Лингвосинергетика. – Барнаул, 2000.
4. Грин Роберт. 48 законов власти: Новая краткая редакция. – М., 2005.
5. Зорин В.А. Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности // Политическая психология. – М., 2007.
6. Козловский В.А. Политическая лингвистика. Учебное пособие. – М., 2006.
7. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М., 2000.
8. Корнилов В. «Соборность» как факт раскола. – Еженедельник 2000. – 26.01. 2007.
9. Куприянов В.Г. К русской философии языка // Филология и культуроведение: наука – практика – преподавание. – М., 2006. – Вып. 1.
10. Литовченко А. Враг украинской государственности. – Еженедельник 2000. 22.09. 2006.
11. Мегентесов С. Игра: условие sine qua non? (Философия одной словарной статьи) // Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков, 1999.
12. Паршина О.Н. Стратегия удержания власти в речевом поведении политических лидеров // Риторика и культура речи в современном информационном обществе. – Ярославль, 2007.
13. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. – М., 1999.
14. Романов А.А. Политическая лингвистика. – Москва; Тверь, 2002.
15. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М., 2001.
16. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. – М., 2006.
17. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.
18. Шульга Н.В. Политические мифологемы в современном мире // Анализ гуманитарных проблем современного российского общества: Материалы всероссийской научной Интернет-конференции с международным участием. – Омск, 2005.

Синельникова Л.М. ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИЯ: КООРДИНАТИ МІЖДИСЦИПЛІНАРНОСТІ

У статті акцентована прагматика політичного дискурсу, його залежність від фактору адресанта та адресата. Названо й інтерпретовано деякі з ознак політичних комунікацій, які корелюють із семантикою мовних одиниць.

Ключові слова: лінгвополітологія, політичний дискурс, політична метафора, маніпуляції, політичний фрейм

Sinelnikova L.N. THE LINGVOPOLITICAL SCIENCE: COORDINATES OF THE INTERDISCIPLINARY

The pragmatist of the political discourse accents in this article, its dependence from the factor of addresser and addressee. A number of attributes of the political communications that correlating with semantics of language units is named and is interpreted.

Key words: lingvopolitical science, political discourse, political metaphor, manipulations, political frame

Поступила в редакцию 09.03.2007 г